

Инна Шаргородская

Охота на Обещанна

Аннотация

Михаил Анатольевич Овечкин, скромный петербургский библиотекарь, считал, что уж он-то точно пропадет, и не сделал бы даже шагу за порог своего тихого дома, если бы не пришлось бежать оттуда в страхе перед нахальным домовым. Судьба же словно только и ждала этого момента, чтобы обрушить на него все то, от чего он успешно прятался целых тридцать пять лет. И оказывается вдруг, что к подвигу готов именно этот пугливый и застенчивый человек, а не окружающие его храбрецы и герои.

В книгу его скучной жизни затесалась совершенно сказочная глава — тут тебе и демоны, и параллельные миры, и колдуны, и принцессы... Да полно, вправду ли и сам Михаил Анатольевич Овечкин — всего лишь скромный библиотекарь?

Инна Гарриевна Шаргородская

Охота на Овечкина

«... Жизнь стала напоминать книгу без переплета — страницы перепутаны, надо бы все разложить по номерам, но неизвестно, все ли номера, и забыл, что за чем идет — пять за семью или семь за шестью? Выбрасываешь книгу без переплета — не надо! Прочь! Но с улицы приходит взволнованный дворник: он приносит переплет без книги и спрашивает, не я ли его только что выбросил?..»

Из дружеской переписки

Глава 1

Михаил Анатольевич принадлежал к тем людям, о которых говорится — «ни Богу свечка, ни черту кочерга». Михаил Анатольевич носил фамилию Овечкин. И люди, верящие, что фамилии имеют определенное значение и даются нам неспроста, немало порадовались бы, на него глядя. Тупое кроткое лицо, обрамленное мягкими кудряшками белесого цвета, блекло-голубоватые глаза, лишённые выразительности, неопределённая фигура — скорее округлая, чем продолговатая, — так выглядел Овечкин. И жил он все больше молча, потому что стеснялся своего заикания.

Служил Михаил Анатольевич библиотекарем в маленькой районной библиотеке. И напрасно кто-нибудь с романтическим воображением предположил бы, что в груди его бьется сердце, обуянное жаждой подвигов и приключений, или же что за невысоким этим лбом кроется аналитический ум, способный на раскрытие самых загадочных преступлений. Изнутри Овечкин был в точности таков же, как и снаружи. Он принадлежал к породе молчаливых мечтателей, чьи грезы невнятны даже для них самих. Сознание в нем дремало себе потихоньку, и явь для него мало чем отличалась от сна. В любом месте, в любой обстановке он умудрялся выглядеть, как предмет мебели, и странно даже, что никто не садился по ошибке к нему на колени.

Жил Михаил Анатольевич со своей старенькой мамой в небольшой квартирке в центре славного города Петербурга, и опять же — если бы кто надумал поискать следов его личности среди окружающих вещей, то не нашел бы. Это была мамина квартира, и все в ней было мамино. А Овечкин пользовался лишь креслом, застланным ветхим гобеленом, когда смотрел телевизор, да узеньким диванчиком, когда спал. И ничего больше у него не было. Ни там хобби, ни даже журнала «Наука и техника». И книги-то Овечкин из

библиотеки приносил исключительно по маминому заказу и их же и читал. Если читать хотелось.

Мама привыкла. Она привыкла к тому, что сын ее не удался, привыкла думать за него, а в общем-то, он и такой был ей хорош — недалекого ума, как она считала, и невидной внешности. Зато хлопот никаких, меньше даже, чем от домашнего животного — собаки там или кошки. Как с кошкой или собакой, она с ним и беседовала — не дожидаясь ответа.

Накануне того дня, когда Михаилу Анатольевичу должно было исполниться тридцать пять лет, мама его, выпив чаю, встала из-за стола, внезапно пошатнулась и рухнула на пол. И когда испуганный сын подбежал к ней, она уже не дышала. «Померла праведной смертью», — так объяснили ему соседи на похоронах. Овечкин не знал, что он сам думает по этому поводу, но уж спорить никак не стал бы.

После похорон, вспомнив про потерянный день рождения, он купил по дороге домой со службы бутылку сухого вина и маленький тортик, как делал всегда, пока жил с мамой. Войдя в квартиру, где стоял уже какой-то нежилой дух, он включил телевизор, сжарил себе яичницу и сел за стол.

Ни горя, ни печали он не испытывал. Все

последние дни пребывал Михаил Анатольевич в состоянии странной оглушенности, словно бы не до конца понимая, что произошло и почему жизнь его должна теперь измениться. По сути, в ней и не могло произойти особенных изменений. Обслуживать себя он давно привык сам, равно как и поддерживать порядок в доме. Библиотечарской зарплаты вполне хватало на удовлетворение его более чем скромных потребностей, а в общении он не нуждался. Если бы его спросили, любил ли он свою мать, Овечкин, разумеется, ответил бы, что любил. И вполне искренне. Но было ли так на самом деле или же он просто привык к ее присутствию рядом — задаться таким вопросом Михаилу Анатольевичу в голову не приходило. Как, собственно говоря, он не задавал себе и вопроса, почему не испытывает горя. Только, сидя сейчас за столом, он все обводил и обводил взглядом стены тесной квартирки, которая отныне принадлежала ему одному, словно пытаюсь понять, чего же в ней не хватает.

Так и не поняв, Михаил Анатольевич налил себе вина, поднял рюмку и приготовился выпить. И тут за спиной его что-то завозилось, зашуршало, и хриплый стариковский голос произнес:

— С днем рожденьца вас!

— С-с-спасибо, — машинально ответил Овечкин и, внезапно ужасно испугавшись, резко

повернулся в ту сторону вместе со стулом. Вино выплеснулось из рюмки ему на колени, но он этого не заметил. Уж больно неожиданное зрелище явилось его ошеломленному взору — в уголке за буфетом притаился странный дедок, мохнатенький, с острыми ушками, в драном махровом халате красного цвета.

— К-к-кто... к-к-как? — пролепетал Овечкин.

— Да ты не пугайся, милай, — закричал дедок, бочком, бочком выбираясь из-за буфета, словно бы готовый в любой момент сам задать стрекача. — Я... это...

— К-к-куда? — неожиданно для себя спросил Овечкин.

— Куда? — удивился дед. — Да к тебе... это... в гости вроде пришел. Ты не пугайся, постой...

Он остановился, поводит в воздухе грязными пятернями, затем зашипел и сплюнул прямо на пол.

— Теперича говори!

— Что это вы делаете? — растерянно спросил Овечкин, уставившись на плевок. Маме бы такое не понравилось, это уж точно!

— Хе-хе, — довольно сказал дед. — Получилось, а?

— Что получилось?

И едва Овечкин успел выговорить эти два слова, как тут же и понял. Он больше не заикался!

— А... — сказал он и замер с открытым ртом.

— Ну вот, — дед потер руки и заметно осмелел. — Ты бы теперь по такому случаю выпил и мне налил бы, что ли? Не бойсь меня, я — домовый, мне тебя не резон обижать. И не за тем я к тебе нынче, слышишь? Да ты рот-то закрой! Дело сделано, заговорил я тебя.

— Домовой? — Михаил Анатольевич вытаращил глаза.

— Ну да, ну да! Ты нальешь али как?

— Домовых не бывает, — сказал Овечкин, но тем не менее потянулся за бутылкой и наполнил неизвестно откуда взявшуюся на столе вторую рюмку.

Дедок шустро вспрыгнул на стул. Ростом он был маловат, и голова его едва торчала над краем стола.

— Домовые, мил человек, бывают, еще как бывают! Выпьем за рождение твое, сирота ты, сирота...

То ли от непривычки к питию, то ли от невозможности происходящего, но голова у Михаила Анатольевича сразу пошла кругом. Он покорно принялся пить за свое здоровье и за помин души незабвенной мамыши, и когда они таким макаром в несколько минут ополовинили бутылку, дед, выдававший себя за домового, довольно

запыхтел.

— Ведь по делу я к тебе пришел. Случай такой вышел... Эх, сирота! Вот я — домовой, при вашей квартире состою. У соседей свой живет, Семенычем кличут, а он отзывается, чего ж. И еще другие... Ну, встречаемся мы, как без этого? Посидим, покалякаем, новости расскажем. Собрание не собрание, а вроде того. Про тебя я нашим да-авно говаривал, человек ты уж больно... как бы это, чтоб не обидеть...

Михаил Анатольевич слушал, вцепившись обеими руками в края стула, и мало что понимал. А дед все плел про домовых и про Овечкина, каков он человек, и выходило по дедову раскладу, что и не человек вовсе Овечкин, а так, насекомое, и не насекомое даже, а просто слякоть какая-то, и проживает жизнь ни себе, ни людям. Это Овечкин понял и очень удивился. Но дед внимания не обращал и гнул свое.

— И вот посоветовались мы и решили — возьмем, Миша, мы тебя к себе! В домовые, значит...

— Что?! — вскрикнул Овечкин.

— Ну што, што! Натурально, ты, как сейчас, и в домовые не годишься. Но мы тебя обучим, не бойсь, и сквозь стены проходить станешь, и невидимкой обращаться, и еще там... Мало нас

осталось, на всех не хватает. Ты-то, поди, и не знаешь, для чего мы нужны. Мамаша твоя еще помнила, царствие ей небесное, нет-нет, да молочка нальет, слово доброе скажет. Так ты вспомни — когда она чего с рук роняла? Подгорало у ней чего? Не помнишь, то-то. Это, брат, пустяки. согласишься — еще не тому научишься. Ты сирота, и как ты теперь один будешь свой век куковать? А мы тебе и фамилию другую дадим, против твоей самую героическую — Овцов! А? Звучит?

Михаил Анатольевич Овечкин похолодел.

Человек он был незлобивый и, как часто говорила покойница-мама, бесхарактерный. И только сейчас, к великому своему ужасу, он понял, до чего она была права. Ему представилось, как диковинный посетитель берет его за руку и уводит за собою сквозь стену, а он, взрослый человек с высшим образованием, мужчина, можно сказать, в расцвете сил, не только не сопротивляется, а даже и слова в свою защиту вымолвить не может. Так живо увидел он эту картину, что невольно замахал руками и хрипло выкрикнул:

— Нет!

— Не нравится? — удивился дед. — Ну, как хочешь. Пускай не Овцов. Можешь при своей оставаться. Соглашайся, мил человек. Ученье годков двадцать займет, при твоём-то соображении,

ну да ничего. Жить будешь на всем готовом, мы уж о тебе позаботимся...

Михаил Анатольевич, не в силах больше издать ни звука, снова замахал руками. Горло ему сдавил страх, колени сделались ватными. Дед истолковал его жестикуляцию по-своему — заперхал, тоже махнул мохнатой лапой:

— Никто тебя не хватится! Никто и не вспомнит! Не опасайся.

Он спрыгнул со стула на пол.

— Пойдем, что ли? Глянешь, как мы живем, познакомишься...

Овечкин, не помня себя от страха, вскочил на ноги и попятился. Он попытался что-то сказать, но получилось лишь задушенное мычание. Дед вытянул руку и нетерпеливо пошевелил крючковатыми пальцами.

— Пошли!

И тут Михаил Анатольевич от ужаса окончательно утратил рассудок. Он повернулся и слепо ринулся прочь. Руки сами нашарили замок на входной двери, открыли его, и Овечкин, ничего не видя и не соображая, загрохотал вниз по лестнице, гонимый единственно звериным инстинктом, повелевающим искать спасения в бегстве.

* * *

Спасался он так, словно армия домовых наступала на пятки, готовая немедленно уволочь его в свои пенаты, обрядить в красный халат и заставить следить за чужим выкипающим молоком. Мохнатые лапы вот-вот должны были вцепиться ему в спину. Прохожие шарахались по сторонам и тревожно озирались, высматривая, кто же за ним гонится, за таким безобидным с виду человечком в домашних шлепанцах на босу ногу и пузырящихся на коленях тренировочных штанах. Но никто не бежал вслед за Михаилом Анатольевичем в этот поздний вечерний час, тихий и светлый, незаметно переходящий в белую ночь, и ничто, казалось, не могло потревожить покоя праздно прогуливающихся перед сном горожан.

А Овечкин, вероятно, бежал бы до тех пор, пока не упал бы. От участи загнанной лошади спас его ненароком какой-то прохожий, вывернувшийся из-за угла и не успевший отскочить с дороги. Михаил Анатольевич со всего маху врезался в него. Прохожий охнул, но умудрился устоять на ногах и, задиристо вцепившись в Овечкина, вынудил его остановиться. Тот, механически лепеча извинения, оглядывался через плечо с таким ужасом, что прохожий, убедясь в полной его невменяемости, махнул рукой и отпустил бедолагу подобру-поздорову.

Небольшой этот инцидент пошел на пользу

Михаилу Анатольевичу, отчасти приведя его в чувство. По крайней мере, он успел понять, что никто за ним не гонится, и уже не побежал далее, а пошел торопливым подпрыгивающим шагом. Несколько раз он еще нервно оглянулся на ходу и, по-прежнему не видя нигде никаких домовых, понемногу вновь обрел способность соображать.

И тогда впал Михаил Анатольевич в сильнейшее замешательство. Случилось что-то такое, чего никак не могло и не должно было случиться. Существо, назвавшее себя домовым, загадочным образом пробралось в запертую квартиру, подстерегло его, наговорило гадостей, оскорбительных для всякого порядочного человека, и в довершение ко всему предложило нечто вовсе несусветное — уйти в племя серой мохнатой нечисти. Михаил Анатольевич мог счесть все это только галлюцинацией. Вообще-то, причины для нервного расстройства у него имелись: усталость и переживания, связанные с похоронами матери, вполне могли породить какое-нибудь неприятное видение. И остановившись на этом предположении за неимением другого, Михаил Анатольевич принялся, как мог, себя успокаивать. Он напьется на ночь брому. Он попросит на работе отпуск на несколько дней, чтобы привести нервы в порядок. Он...

Но тут в памяти его всплыла вдруг сцена

недавнего столкновения с прохожим. Михаил Анатольевич отчетливо, как со стороны, услышал свой собственный голос, бормочущий извинения. И снова похолодел. Он не заикался. Совсем. Дефект речи, преследовавший его с самого детства, исчез.

И тогда он понял, что не сможет вернуться сегодня домой. Ни за что. Возможно, домовый и впрямь был всего лишь галлюцинацией. Но галлюцинация эта оказалась способной вылечить его от заикания. А раз так, она, вероятно, могла и увести его за собою неведомо куда и превратить неведомо во что. Михаил Анатольевич не видел в данном случае никакой разницы между объективной реальностью и сумасшествием. Его затрясло от страха, и ноги сами заторопились прочь — подальше от родного дома. Пока он еще все-таки был человеком...

Он не очень понимал, куда идет, и, когда к нему опять вернулась способность соображать, Овечкин обнаружил себя в Таврическом саду. Он узнал пруд и дворец, но даже не удивился, как сюда попал. Ему было не до этого. До Михаила Анатольевича постепенно начала доходить вся безнадежность положения, в котором он очутился. Вернуться домой он не мог. На дворе была ночь. Он выбежал из дому без копейки денег, без документов, в костюме, совершенно непригодном

для выхода на работу и неприличном даже для пребывания на улице. Он не захлопнул за собой дверь, убегая. Квартира, стало быть, стоит открытая — заходи кто хочешь, бери что хочешь.

Михаил Анатольевич находился в полной растерянности. Привыкнув за тридцать пять лет своей жизни во всем полагаться на маму, он вдруг оказался лицом к лицу с необходимостью предпринять какое-то действие. И действие, прямо скажем, неординарное. Не мог же он в самом деле вломиться сейчас, среди ночи, к кому-нибудь из немногочисленных своих или маминых знакомых и заявить, что вот, мол, немножко сошел с ума, и поэтому просит заглянуть к нему домой и посмотреть, сидит ли еще там бабушка в красном халате. Бред какой-то...

Увидев в стороне от дорожки скамейку, утопавшую в сиреневых кустах, Михаил Анатольевич машинально направился к ней, присел на краешек и уставился прямо перед собой невидящим взглядом. Что же делать? Может, он и вправду сошел с ума? В таком случае надо обратиться к врачу. Но опять же — какие врачи среди ночи? И за что ему такое несчастье?

Против воли Овечкин начал припоминать подробности галлюцинации. Снова увидел перед собою поросшее серой шерстью лицо деда и услышал его хриплый голос. Как домовой его

обозвал? Насекомым?.. Почему это он, Овечкин, насекомое? И даже хуже? Непонятно. Он жил себе, никого не трогал. Ну, может быть, конечно, выдающихся поступков не совершал, так ведь не всякому и дано. Зато не вредил никому... «Никто тебя не хватится! — вспомнил он вдруг дедовы слова. — Никто и не заметит!»

И окончательно расстроился. А ведь и правда. Так оно и есть. Вот он сидит здесь, одинокий, и никто не пожалеет о нем, если случится ему завтра исчезнуть из числа живущих... Сознать это было чертовски неприятно, и Овечкин, как обычно поступают люди в подобной ситуации, принялся судорожно искать виноватых.

...И не нашел. Более того, неожиданно убедился Михаил Анатольевич, что не может даже толком вспомнить свою жизнь, так оказалась она однообразна и пуста, начиная с самого детства. Почему-то не дружил он с ребятами ни во дворе, ни в школе, не играл в войну. Не искал кладов, не влюблялся. Не ссорился и не дрался. Почему? Ни одного интересного события не мог припомнить Овечкин, ни одного яркого переживания. Вроде бы читал он много — но и прочитанного толком не помнил, потому что впадал обычно над книгой в некоторое оцепенение и не то думал, не то мечтал о чем-то, чего не мог выразить ни словами, ни образами... Так и по улицам ходил, и на работе

делал свое нехитрое дело — словно бы в полудреме. Жил он с мамой, и покойная его родительница никогда и ни в чем ему не препятствовала, возможно, даже не подозревая о внутренней апатии сына. Кого винить? Сам... значит, сам проспал всю свою жизнь. Не искал ничьей дружбы и не знал любви. Не нажил врага и не изведал вкуса ни победы, ни поражения. Он и сейчас с удовольствием забылся бы, да только куда уж!..

Так, значит, прав был домовый? Михаил Анатольевич вздрогнул. Спал, и только сегодня, выходит, проснулся?..

Пробуждение оказалось не из приятных. Признав неожиданно для себя правоту домового, Михаил Анатольевич весь съежился и почувствовал, как от стыда запылали щеки. Ужас-то какой... Вот сидит он ночью в саду на скамейке и ни малейшего представления не имеет, что ему теперь делать. Разве что пойти и сдаться на милость привидевшейся нечисти, и позволить окончательно растоптать свою человеческую сущность...

Скверным стал для Михаила Анатольевича этот час его жизни. Он познал всю глубину своей никчемности и своего одиночества. Он увидел Овечкина со стороны, как есть, и осудил его со всей строгостью. И не было на земле человека

несчастнее Михаила Анатольевича в этот час...

* * *

К реальности его возвратили холод, сырость и жгучие укусы комаров, круживших над ним хищным роем. Несколько раз хлопнув себя по шее, Михаил Анатольевич содрогнулся и беспомощно огляделся по сторонам.

Над кронами деревьев в бледном небе висела огромная серебряная луна. Свет ее смешивался с призрачным мерцающим свечением белой ночи. От этой красоты у Овечкина перехватило дыхание. Никогда прежде не находился он вне дома в столь поздний час и никогда не видел ничего подобного. Даже не знал, что такое бывает. Он медленно повернул голову, стремясь охватить взглядом весь раскинувшийся перед ним ночной пейзаж с темными, посеребренными луной купами деревьев и прозрачной дымкой, стелившейся над полянами. Незнакомое доселе чувство благоговения и тихого восторга наполнило исстрадавшуюся душу, и Михаил Анатольевич на время позабыл о своем горе. Он вдохнул полной грудью прохладный воздух, напитанный ароматами только что расцветшей сирени и прочей молодой зелени сада, и опять затаил дыхание, любясь этой сказочной ночью.

Однако действительность вновь бессердечно напомнила о себе. И оторвавшись от созерцания, Михаил Анатольевич нагнулся и с несвойственной ему свирепостью прибил комара, впившегося в щиколотку.

Под ногами что-то блеснуло. Он было рассеянно глянул на искорку, а потом, заинтересовавшись, протянул руку и поднял с земли необычный предмет — по-видимому, потерянную каким-то ребенком игрушку.

То был стеклянный кубик с закругленными гранями, свободно уместившийся в кулаке, но довольно тяжелый. Овечкин взвесил его на ладони и поднес поближе к глазам.

Казалось, кубик был наполнен туманом, медленно движущейся живой дымкой. В самом центре его горела крохотная свеча. Михаил Анатольевич перевернул кубик, но свеча тут же вновь приняла вертикальное положение, только пламя ее чуть-чуть заколебалось.

Сердце у Овечкина отчего-то дрогнуло. Малютка-огонек завораживал. Пока Михаил Анатольевич смотрел в светло озаренную, дышавшую таинственной жизнью глубину кубика, тот, казалось, разросся и занял все пространство перед глазами. Овечкин различил узенькую тропинку, начинавшуюся прямо у его ног, пропадавшую в тумане, вновь появлявшуюся,

ведущую к самому огоньку...

Невдалеке послышался чей-то кашель, и, опомнившись, Овечкин зажал кубик в кулаке и выпрямился. Мимо по аллее неторопливо прошел человек в сопровождении огромной лохматой собаки. Овечкин провожал их взглядом, пока они не скрылись из виду, а потом вновь осторожно разжал руку. Свеча горела.

Он вдруг обнаружил, что ему стало гораздо легче дышать. Словно появилась надежда. И сердце его сладко заняло — непостижимым образом чудесная игрушка обещала утешение и сулила новую жизнь, полную интересных и волнующих событий.

Овечкин понял, что не хочет с ней расставаться. Он чувствовал себя растроганным и немножко смешным, когда прятал кубик в карман. Ведет себя, как мальчишка, право...

Однако пора было что-то предпринимать, если он не хотел быть заживо съеденным комарами. Михаил Анатольевич прибил у себя на руке еще несколько этих кусачих тварей и неохотно поднялся со скамейки. Светлые необычные ощущения, испытанные за последние несколько минут, догорели в нем, как только он вспомнил, что идти ему по-прежнему некуда. И Овечкин поплелся к выходу из сада, смутно надеясь на какое-нибудь чудо и нимало не подозревая о том, что в судьбу его

уже вмешался могущественный талисман Тамрот — Разрушитель Стен, Поворачиватель Судеб, Магнит для Несбывшегося, из-за которого не одно столетие подряд воевали два королевства. Вмешался и начал действовать.

Глава 2

Почти в это самое время и совсем неподалеку от сада, где провел Михаил Анатольевич ужаснейшие часы своей жизни, по Моховой улице медленно и понуро шли трое мужчин и одна женщина. С виду они как будто ничем не отличались от обычных прохожих, и только очень внимательный взгляд мог заметить в их внешности некую странность. Что-то вроде того, как безошибочно узнается гражданин другой страны — то ли по походке, то ли по пуговицам.

Друг с другом эти четверо не разговаривали, брели молча и так же молча остановились посреди улицы. Женщина порылась в сумке и вынула оттуда кожаный мешочек, накрепко стянутый шнуром. Некоторое время она возилась с узлами, а спутники ее терпеливо ждали. Наконец она вытряхнула на ладонь маленький стеклянный кубик, внутри которого горела крохотная искорка, подняла голову и обвела взглядом мужчин. Двое чуть заметно кивнули, а третий сделал шаг назад.

— Я остаюсь, — сказал он хриплым голосом и откашлялся.

Это был пожилой, лысоватый человек невысокого роста, с ястребиным носом и узким тонкогубым ртом. Он сунул руки в карманы и с вызовом обвел взглядом остальных членов компании.

— Почему? — удивленно спросил высокий молодой красавец со светлыми волосами до плеч. — Что случилось, Доркин?

— И ты еще спрашиваешь, Лен? — тот, кого назвали Доркином, вскинул голову еще выше. — Что я скажу своему королю?

— А мы что скажем?

Третий мужчина, старик с окладистой седой бородой, укоризненно покачал головой.

— Так не годится, Баламут. Вместе делали дело, вместе и ответ держать.

— Я не об этом, — сказал Доркин и умолк.

Некоторое время все молчали, словно ожидая чего-то. Потом заговорила женщина, возраст которой было невозможно определить, а внешность была такова, что второй раз ей в лицо смотреть не хотелось:

— Не будем терять времени. Король ждет. Если он хочет остаться, пусть остается.

Она вытянула перед собой руку с кубиком.

— Подожди, Де Вайле, — торопливо сказал

молодой блондин. — Как же он... как же ты останешься, Баламут? Без защиты и помощи... ты ведь уже не сможешь вернуться домой!

— Я и не вернусь. Один, во всяком случае.

— Пусть остается, — нетерпеливо повторила женщина. — Одним шутком на свете больше, одним меньше — какая разница? Идемте же!

Тут вмешался старик:

— Не злись, Де Вайле. Я и сам сначала неправильно его понял. Но Доркин не трус. Король доверяет ему больше, чем нам вместе взятым. Каково ему будет глядеть в глаза...

— Не лезь в мою душу, Гиб Гэлах, — оскалился тот. — Я не просил тебя об этом. Идите и оставьте меня. Я не собираюсь сдаваться.

Взгляды троих его спутников приковались к нему одинаково напряженно, но с разным выражением. Женщина смотрела чуть ли не с ненавистью. Молодой как будто колебался, не остаться ли и ему тоже. А глаза старика вдруг стали вдохновенно-отрешенными, словно он глядел сквозь Доркина в неведомое темное будущее. Доркин же отвечал всем взглядом, полным насмешливого вызова.

— Пусть будет так, — сказал наконец старик. — Может статься, тебе повезет. Во всяком случае, я вижу помощника и друга, он недалеко. Удачи тебе. Прощай.

Вызов в глазах Доркина угас. Он прищурился, криво усмехнулся.

— Спасибо. Прощайте.

Блондин крепко пожал ему руку, а женщина отвернулась. Еще мгновение они стояли перед ним, затем вошли в ближайшую подворотню. В руке Де Вайле ослепительно воссиял стеклянный кубик, озарив молнией каменные стены, и все трое исчезли с глаз, как не бывали.

* * *

За околицей пограничной деревушки их ждали оседланные кони, которых стерег малолетний сынишка пастуха. Отказавшись от четвертой лошади и расплатившись с мальчуганом, двое мужчин и женщина вскочили в седла и стремительным галопом понеслись прочь от границы навстречу медленно занимавшейся утренней заре.

Они скакали без отдыха двое суток, лишь несколько раз меняли лошадей на постоянных дворах и пользовались этими краткими минутами, чтобы немного подкрепиться. На рассвете третьего дня они прибыли в столицу Айрелойна. Подъехав к королевскому дворцу, спешили, старик показал страже перстень, который был у него на руке. Все трое, будучи незамедлительно пропущены,

поднялись по парадной лестнице и направились к королевским покоям. Они нигде не задерживались, коротко кивая в ответ на приветствия придворных, словно торопились покончить наконец с тягостной обязанностью и принять заслуженный приговор.

Король Фенвик прервал военный совет, едва к нему подошел стражник с заветным перстнем в руке. Он велел собравшимся ждать и почти бегом покинул зал через боковую дверь. Там, в маленьком кабинете для конфиденциальных встреч, он увидел своих посланцев и, не здороваясь, спросил:

— Где?

Посланцы низко опустили головы. Затем старик выступил вперед и сказал, не поднимая головы:

— Мой господин... наша миссия не увенчалась успехом. Мы выследили даморов и переловили их всех по одному. Ни при ком из них не оказалось талисмана, и никто из них не сказал, где они спрятали принцессу. Последний, Магид — один из торговых советников короля Дамора — смеялся над нами, умирая. Он принял яд, чтобы не достаться нам живым.

Король Айрелойна, русобородый великан богатырского сложения, зажмурился, словно от сильной боли.

— Как это может быть, — сказал он сквозь зубы. — Они...

— Мой господин, — поспешно перебил его Гиб Гэлах, — мы считаем, что нам известны не все члены предательской группировки. Кто-то из них еще жив и владеет талисманом и принцессой. Ведь кто-то же должен воспользоваться плодами заговора, иначе вся затея теряет смысл!

— И что ты думаешь по этому поводу? — глухо спросил король.

— Я полагаю, что глава заговора пребывает в Даморе.

— И кто же это?

Старик развел руками.

— Нужно опять засылать в Дамор наших людей...

Король устремил на него тяжелый взгляд.

— Как ты себе это представляешь, Гиб Гэлах? Ты, провидец? Война начнется не сегодня-завтра, и, боюсь, это будет последняя наша война с Дамором. Король Редрик никогда не отличался миролюбивым нравом, а сейчас к тому же право на его стороне. Мы нарушили договор, и кто, скажи на милость, сможет убедить его в том, что это не наша вина? Где у нас доказательства, что принцессу Маэлиналь и талисман похитили его же люди? Он знает одно — мы не сдержали слова. О каких лазутчиках ты говоришь? Я каждый день с ужасом жду, что он пришлет мне головы моих послов. И это будет конец всему. А моя дочь...

Король вдруг осекся.

— Где Баламут? Он что... погиб?

— Нет, мой господин. Он... Вопреки очевидной безнадежности, он решил продолжать поиски в том мире. Но мы уверены, что принцессы там нет...

— Что? Он остался там?!

— Да.

— Чтоб вы провалились! — в сердцах сказал король и ударил кулаком по столу. — Единственный, кто мне нужен среди этого стада баранов... отправляйтесь за ним! Верните его! Скажите ему, что поздно уже искать мою девочку... надо спасти королевство!

— Государь, — нервно заговорил молодой блондин, — боюсь, мы уже не сможем его найти. Этот мир... мы побывали всего лишь в одном городе, но там было страшнее, чем в самых глухих окраинных дебрях Данелойна!..

— Я ничего не хочу знать, — угрожающе сказал король. — Верните мне Доркина или сгиньте сами. Все твои песни, Лен, и все твои прорицанья, Гиб Гэлах, и все твои колдовские чары, Де Вайле, не стоят одного его мудрого совета! И если королевству айров суждена гибель в этой последней войне, я хочу, чтобы Доркин сражался рядом со мною и чтобы именно он закрыл мне глаза!

Он отвернулся. Немного помолчал, пытаюсь взять себя в руки, и закончил:

— Пусть так. Если не найдете Баламута, не возвращайтесь. Сберегите талисман. Пусть хотя бы Камелон не достанется врагу. Ступайте.

— Два слова, мой господин, — тихо сказала Де Вайле, державшаяся до сих пор за спинами мужчин. — До того, как Баламут изъявил желание остаться на Земле, он собирался дать вашему величеству совет. Вот он — попробуйте оттянуть начало военных действий. Начните переговоры по поводу младшей принцессы. Намекните, что во имя мира вы согласны даже расстаться с Камелоном. Если король Редрик поверит, у нас будет в запасе несколько лет. Ведь принцесса Альтиу еще мала...

Король слушал ее, светлея лицом.

— Ну, разве не умница этот Доркин! — воскликнул он. — Клянусь честью, сам бы я не додумался до такого! Несколько лет — это очень много, можно будет, по крайней мере, как следует подготовиться к войне. Помнится, ты говорил, Гиб Гэлах, что у землян есть оружие, какое нам и не снилось?.. Ступайте! Отыщите Доркина, и пусть он придумает способ приобрести у них это оружие. Идите вдвоем с Де Вайле, а ты, Лен, останешься. Раз тебе так страшно в чужом мире, я дам тебе поручение попроще. Ты поедешь послом в Дамор, да, именно ты, сладкоголосый мой птенчик, и ты

будешь заливаться соловьем, но уговоришь короля принять принцессу Альтиу вместо Маэлиналь, и ты заставишь его поверить, что я могу отдать в приданое даже столь желанный ему Камелон! И если в случае неудачи он пришлет мне твою голову, уж поверь, я не расстроюсь!

* * *

Баламут Доркин, любимый советник короля айров, здорово надрался в ту ночь, когда остался один на Земле, и вот как это произошло.

Когда его спутники исчезли, перейдя в Данелойн, он обвел глазами темные громады каменных домов бесконечно чужого и чуждого города, и сердце у него впервые дрогнуло. Кажется, он и впрямь взвалил на себя непосильную задачу... деньги Данелойна не значили здесь ничего, опыт и знания его вряд ли были применимы в незнакомом мире, и отныне он был всего лишь нищим бродягой. Но, в конце концов, он был еще и воином. И вроде как мудрецом...

Он не успел задуматься о дальнейших своих действиях, когда откуда-то сверху донесся приглушенный голос:

— Эй... Доркин! Я правильно расслышал твое имя, мой юный друг?

Баламут задрал голову и увидел старца,

сидевшего на окне в третьем этаже, свесив наружу босые ноги. Вокруг лица его облаком клубились седые локоны и борода, придавая старичку вид весьма задорный.

Королевскому шуту он понравился с первого взгляда.

— Правильно, достопочтенный. Баламут Доркин, к твоим услугам.

Голос его больше не был хриплым и прозвучал в тишине спящей улицы звонко и весело.

— Я подслушивал вашу прощальную беседу, — объявил старец сверху, — но что-то не понял, из какого мира вы сюда пришли. Не будешь ли ты так любезен назвать мне его?

Доркин приподнял бровь.

— Прежде я хотел бы узнать, кто ты такой и по какому праву задаешь мне подобный вопрос!

— Ну, если ты возьмешь на себя труд подняться в мой дом, я только рад буду побеседовать с тобою, — старец поболтал босыми ногами. — Сдается мне, нынче ночью тебе ой как нужна крыша над головой. Да и фляга доброго вина не помешает...

Баламут тут же почувствовал, как у него пересохло в горле. В людях он разбирался и потому сомнений сейчас не испытывал никаких.

— Укажи мне путь, достопочтенный старец, и я с радостью поднимусь к тебе.

Тот проворно перекинул ноги через подоконник и скрылся из виду. Через секунду снова появился и спустил Баламуту веревочную лестницу.

— Так будет быстрее, — объяснил он, — чем рассказывать про черные ходы и кодовые замки.

Доркин развеселился. Подняться по веревочной лестнице на третий этаж было делом нехитрым, и вскоре он уже стоял перед забавным старичком в его обиталище и оценивал обстановку.

Комната была небольшая, но уютная, с гладко выскобленным деревянным полом, украшенная шпалерами по стенам и обставленная простой, добротной мебелью. Ничего такого, чего нельзя было бы встретить и в Данелойне. На столе все было уже приготовлено к приему гостя — горел канделябр в три свечи, стояла бутылка вина с двумя бокалами почетной стражи по бокам, а блюдо со свежими фруктами словно только что сошло с натюрморта кого-нибудь из старых голландцев. Про голландцев, правда, Доркин ничего не знал, но живописность оценил.

Два деревянных кресла, обитых кожей, поджидали сотрапезников, а в углу комнаты запасливый глаз Баламута заметил вполне приемлемое для усталого путника ложе, на котором уже имелись подушка и одеяло.

— Прошу, — сказал старец и прошлепал босыми ногами к столу.

Доркин охотно последовал за ним.

— Нынче меня зовут Босоногий колдун, — хозяин разлил вино по бокалам и придирчиво поглядел на свет сквозь алое зарево. — Для друзей — Степаныч.

Баламут кивнул и поднял свой бокал.

— Почему ты спросил меня, почтеннейший, из какого я мира? Тебе известно, что существуют и другие миры?

— А то! — весело ответил босоногий колдун Степаныч. — Выпьем же за их процветание!

Чокнулись и выпили. Вино оказалось крепчайшим и обожгло, как огонь, но Баламут был этому только рад. Рядом со странным колдуном он чувствовал себя удивительно спокойно. А поскольку интуиция его еще никогда не подводила, стало быть, можно было позволить себе расслабиться и отдохнуть, пожалуй, впервые с того дня, как исчезла принцесса.

— Я из Данелойна, — сказал он, допив вино и отдышавшись. — Слышал о таком?

— Возможно. И как же вы пробрались сюда? Чем пробивали стену?

— Какую?

— Ясно, — сказал Степаныч. — Не будем об этом. Я вижу, ты в затруднении, мой юный друг. Могу ли я чем-нибудь помочь тебе в качестве непревзойденного колдуна?

«Юный друг» потер лысину, обрамленную остатками черных жестких волос. Старец нравился ему все больше и больше.

— Выпьем еще, — предложил Баламут. — Это длинная история, а я, признаться, устал, как собака. И затруднение мое так велико, что я не знаю даже, с чего начать.

Старец тут же налил еще. Пламя свечей колыхнулось и вновь успокоилось.

— Начни, с чего сердце просит. Так оно верней...

Доркин подтащил к себе гроздь винограда и принялся кидать в рот по яголке.

— Странный ты человек, колдун, — сказал он. Второй бокал ударил ему в голову так, что кресло под ним сдвинулось с места и принялось тихо плавать в воздухе. — Не ожидал я встретить в чужом мире столь родственную душу. Бывает, однако...

— Вижу, — с проницательным видом заметил старик, — что для того, чтобы развязать тебе язык, вина понадобится немало.

Баламут посмотрел на него долгим проникновенным взором.

— Ты заговорил о сердце, колдун... я сам сомневаюсь иногда в том, что оно у меня есть. Но, видно, я становлюсь стар. Сегодня я чувствую, что его у меня даже слишком много.

Колдун без промедления наполнил бокалы в третий раз.

— Не знаю, почему, — сказал Баламут, чувствуя, что красноречие переполняет его, а старик этот ему дороже брата, — но в доме у тебя я сделался мягким, как воск. Ты напоминаешь мне святого отца-нефелинца, которого я повстречал однажды в час своей великой печали. Он, как и ты, видел насквозь мое сердце и знал не хуже тебя, что требуется в такой час слабому человеку. А человек слаб... В первый и последний раз в жизни рыдал я тогда у него на груди и никогда не сожалел об этом. Таков уж он был!

Бокалы наполнились и опустели в четвертый раз, и Баламута наконец прорвало. Вино действительно оказалось очень крепким.

— Сердце... Колдун, я любил принцессу Май, когда еще трехлетней крохой качал ее на своем колене и позволял дергать себя за нос. Я хлюпал носом от умиления, когда в семь лет она уже проявляла подлинное королевское величие, отдавая приказания. И я едва не лишился чувств, когда увидел принцессу по возвращении ее из морантанского монастыря... ей было семнадцать, и она уже научилась всему, что должна знать девушка из королевского рода. Нет и не будет второй такой принцессы на свете, как несравненная Маэлиналь, воплощение всех мужских грез. Ты

понимаешь меня, колдун?.. Я полюбил впервые в жизни. Но что об этом говорить? Я был для нее как второй отец, и даже больше, потому что король всегда слишком занят, а чем еще заниматься королевскому шуту, как не развлекать его домочадцев? Я бы с восторгом отдал жизнь, чтобы отвести от нее малейшую неприятность. Но даже я не сумел ее уберечь... Слушай же, колдун, теперь я расскажу всю историю с самого начала.

Лет триста тому назад побывал у нас в Айрелойне какой-то заезжий маг. Силы, по слухам, он был необыкновенной — вызывал и прекращал дожди, исцелял мертвых, и даже комаров, говорят, при нем не водилось во всем нашем королевстве. Уезжая, он оставил в подарок тогдашнему королю айров два чудесных талисмана — Камелон и Тамрот. Оба они позволяют проходить в другие миры, оба лечат больные души и делают трусов героями, и разница между ними лишь в том, что Тамрот-Поворачиватель притягивает удачу, а Камелон-Устроитель помогает ее сохранить. Достоянная пара. Но они не принесли настоящего счастья нашему королевству. Да будет тебе известно, колдун, что наш мир, называемый Данелойн, Яблоневого Сада, разделен на две части, два суверенных государства — Айрелойн, то бишь земля айров, и Дамор, владенье даморов. Так разделили когда-то Яблоневый Сад два брата, Айр

и Дамор, пришедшие невесть откуда в эту цветущую и безлюдную землю по велению Божию. Разделили и расплодился, и потомки их жили по-добрососедски не одну тысячу лет, пока черт не принес этого мага с его талисманами. Король Дамора прослышал о Камелоне и Тамроте и возжелал хотя бы один из них, а король Айрелойна не захотел поделиться. И разгорелась смертельная вражда, и с тех пор каждый новый король Дамора пытался отобрать талисманы у айров, но удача всегда была на нашей стороне — что не мешало литься потокам крови как с той, так и с другой стороны примерно каждые двадцать пять лет. Нынешнему же королю нашему, благородному Фенвику, Господь даровал изрядный разум. И захотел Фенвик положить конец кровопролитиям. Он обручил свою старшую дочь, принцессу Маэлиналь, с сыном даморского короля и в приданое ей положил один из талисманов, бесценный Тамрот, притягивающий удачу. Был общий праздник, и весь Данелойн ликовал. Не знаю, ликовала ли принцесса Май, но она послушная дочь и настоящая принцесса. Мне ли не знать, что тем, кто принадлежит к королевскому роду, не положено иметь сердце! Тем, кто близок к королям, оно тоже ни к чему. Я — потомственный шут, колдун; мой отец и дед, и прадед были королевскими шутами. Но я решил пресечь эту

преемственность. Я не родил сына, чтобы он стал следующим королевским шутом. О, когда-то моя шевелюра была густа, на щеках играл румянец, и любая придворная дама становилась моей, стоило только подмигнуть! Я наплодил немало детей, колдун, но матери их все были замужними дамами, и мои отпрыски носят теперь громкие имена. Своего же имени я не дал и не дам никому... Однако я отвлекся. Так вот, колдун, когда до бракосочетания принцессы Май оставалось всего несколько месяцев, она исчезла. Ее украли вместе с ее приданым, чертовым талисманом. Еще до того как разразился скандал, нам удалось выяснить, что это дело рук нескольких именитых даморов, привыкших наживаться на междоусобных войнах. Им не нужен мир, не нужна принцесса, не нужен Тамрот. Им нужны только деньги. Мы выследили их — пути вели в ваш мир, на Землю, в этот самый город. Они прошли сюда с помощью Тамрота и где-то надежно спрятали и его, и принцессу. Мы разыскали их всех по одному... не буду говорить, что с ними стало, но даже под угрозой смерти никто не сказал нам, где принцесса. Посланцы короля айров отправились в обратный путь ни с чем. А я остался. Может быть, я не прав, колдун. Но в Данелойне вот-вот вспыхнет война. Правитель даморов не верит в исчезновение невесты своего сына. Он считает, что наш король пожадничал и

передумал. Сила же айров ослабела с утратой одного из талисманов, да и, честно признаться, воины наши слишком привыкли рассчитывать на поддержку волшебства, чтобы оставаться хорошими воинами. Нужно найти и вернуть принцессу Май и ее приданое, иначе гибель ждет айров, весь наш прекрасный и чудесный Айрелойн. И каким-то шестым чувством я знаю, колдун, что принцесса все-таки где-то здесь. Где-то рядом. Хотя мудрейший из советников короля, провидец Гиб Гэлах считает, что ее прячут в Даморе, а сюда нас просто заманили, чтобы сбить со следа. Вот тебе моя история, колдун, вот тебе мое затруднение. Что скажешь?

— Нетрудно ответить, — сказал босоногий старец, почесывая бороду. Лицо его то расплывалось перед глазами окончательно захмелевшего Доркина, неоднократно прикладывавшегося к бокалу на протяжении рассказа, то вновь становилось четким, то вовсе исчезало. Баламут встряхнул головой, пытаясь удержать его в фокусе, и вытаращил глаза.

— Да будет тебе ведомо, — продолжал между тем колдун, — что я и есть тот проклятый маг, который занес в ваш Данелойн талисманы. Я тогда увлекался их изготовлением... славные получались вещицы! Да... не думал я, что может разгореться такой сыр-бор!

— Ты? — Доркин тарашил глаза уже произвольно. — Как это... триста лет назад?

— Ну и что ж, что триста лет, — раздраженно ответил старец. — Велика важность! Помолчи, дай подумать. В некотором роде я в ответе за случившееся в Данелойне. Вот что, Баламут, глотни-ка еще вина да ложись спать. Утром потолкуем. Озадачил ты меня. Одно скажу — помочь тебе я просто обязан...

Далее Баламут Доркин не помнил ничего — ни как выпил еще вина, ни как добрался до постели. Сознание покинуло его, и весь остаток ночи гулял он с принцессой Маэлиналь по зеленым лугам королевских угодий, беседуя о принципах изящного стихосложения и о достоинствах песен молодого поэта, недавно появившегося при дворе и прозванного Соловьем Леном.

Глава 3

Голова у Михаила Анатольевича Овечкина кружилась от переутомления. Он и вправду пережил и передумал за сегодняшний вечер едва ли не больше, чем за всю предыдущую жизнь. Мысли путались, и хотелось ему прилечь под какой-нибудь кустик, да и заснуть, а завтра проснуться в своей постели... и забыть все случившееся, как страшный сон. Однако он понимал, что это невозможно, что

никогда уже не забудет он неприятного открытия, сделанного о самом себе.

И возроптал Михаил Анатольевич. Почему это одним людям достается бурный темперамент и яркая, живая жизнь, а ему, Овечкину, выпало на долю это такое оцепенение? Кто и зачем сотворил его таким — никаким? Неужели Господь Бог? Ну, и зачем Ему такой Овечкин? Который сам себе противен? Который сам себе не нужен?

Занятый этими почти бунтарскими и горькими мыслями, он не сразу заметил, что идет что-то уж слишком долго, а выхода из сада все не видать и не видать. Только когда сад, напротив, сделался совсем глухим и запущенным, остановился Михаил Анатольевич и огляделся. И увидел, что дорожка у него под ногами — не дорожка вовсе, а тропка, и никаких ворот поблизости в помине нет. Решив, что по рассеянности незаметно сошел с главной аллеи, Михаил Анатольевич недолго думая повернулся и зашагал обратно.

Тут в глаза ему бросилось, что небеса странно потемнели. Но он не придал этому особого значения и забеспокоился лишь тогда, когда тропинка, по которой он шел, окончательно пропала в траве, а впереди стеною поднялись непролазные заросли. При том сумерки сгущались прямо на глазах.

Михаил Анатольевич снова остановился и

тревожно огляделся по сторонам. И ему сделалось очень не по себе. Никогда не подозревал он, что в Таврическом саду есть такие глухие уголки. Прямо-таки лес. И нигде ни огонька. Гроза, что ли, надвигается, что так темно?

Он поднял голову к небу и заморгал глазами. В небесах было черным-черно, и в бархатной глубине их россыпью сверкали крупные, низкие, как на юге, звезды. Что за чертовщина? Ведь белые же ночи, июнь месяц! А луна куда подевалась? Он опустил взгляд на грешную землю и остолбенел окончательно.

В темноте уже и леса... то есть сада не было видно, только ветерок слегка шелестел листвою. Овечкин, затаив дыхание, прислушался и ничего, кроме этого шелеста и стука собственного сердца, не услышал. Да что же это такое? Не так уж велик Таврический сад, чтобы не было слышно шума проезжающих мимо машин, и не так уж густ, чтобы не разглядеть хотя бы даже из самой его середины каких-нибудь городских огней!

— У-гу, — раздалось вдруг в темноте, довольно-таки близко, и Михаил Анатольевич подпрыгнул от неожиданности. Филин?!

— У-гу...

«Ну вот, — подумал он нервно, — наверное, я уже упал куда-нибудь под кустик и сплю. А каких еще снов, кроме кошмаров, можно ожидать после

сегодняшнего? Если все это, конечно, не козни домового...»

Последняя мысль заставила его судорожно затоптаться на месте. Что делать? Бежать? — так ни зги не видно. Звать на помощь? Кого? И напряженно шурясь, всмотрелся Михаил Анатольевич еще раз в непроглядную тьму, окружавшую его со всех сторон.

Вдали, за деревьями, мелькнул огонек. Вроде бы. Но и этого оказалось достаточно, чтобы Овечкин испытал несказанное облегчение и ринулся на свет, не разбирая дороги.

...Не знал, не знал он, что в Таврическом саду встречаются такие заросли. Под ногами с треском ломались сухие сучья, кусты вцеплялись в одежду, в лицо то и дело лезли косматые колючие еловые лапы, осыпая его каким-то сором и залепляя глаза паутиной. Но огонек приближался. И когда Михаил Анатольевич подобрался достаточно близко, чтобы разглядеть наконец, что это за огонек, он снова ощутил головокружение и легкую дурноту и остановился.

То был костер. Довольно большой, в половину человеческого роста. Горел он весело, звонко постреливал искрами и освещал, как положено костру, вполне приличное пространство вокруг себя. Но что это было за пространство?!

Сомнений не оставалось никаких — Михаил

Анатолевич находился в глухом лесу. Костер был разведен на маленькой укромной поляне, окруженной вековыми елями. И — никого рядом.

Впрочем, нет. Михаил Анатолевич крепко зажмурился, надеясь отогнать наваждение, и вновь нерешительно открыл глаза.

Возле костра сидел некто. Чем дальше Овечкин всматривался в него, тем больше различал деталей, словно бы на глазах у него проявлялась фотография, — высокие болотные сапоги, брезентовый плащ с откинутым на спину капюшоном, копна темных спутанных волос, ружье за плечами... Только лица никак не мог разглядеть Михаил Анатолевич, как будто его скрывала тень, хотя сидел человек лицом к костру.

И негромко разговаривал с кем-то. До слуха Овечкина донесся его глуховатый голос, а вслед за тем — раскатистый смех, которому вторил серебряный колокольчик. И Михаил Анатолевич на мгновение снова крепко зажмурился — из костра неожиданно высунулось нечто, похожее на огненный язык, метнувшийся в сторону, и у этого нечто были пара огненных рук и точеная, изящная ящеричья голова, украшенная глазами, горевшими, как драгоценные камни, и ярче пламени. Это-то существо и издавало звуки, напоминавшие звон колокольчика. Оно встряхнуло сложенными вместе руками и выронило два мелких камушка,

покатившихся по земле огненными светляками.

Человек в брезентовом плаще нагнул кудлатую голову и негромко произнес несколько слов. После чего ящерица подхватила с земли то, что выронила, и откинулась обратно в огонь. И заплясала в нем, почти неотличимая от пламени. А человек вдруг повернул свое сокрытое вечной тенью лицо в ту сторону, где оцепенело безмолвствовал среди вековых елей Михаил Анатольевич.

— Выходи, путник, — сказал он, слегка повысив голос. — Если ты пришел с миром, то и мы не причиним тебе зла.

Овечкин не сразу понял, что обращаются к нему. А поняв, на негнущихся ногах покорно вышел на поляну и остановился в нескольких шагах от костра, обреченно глядя на того, кто его позвал.

— Не бойся, — продолжал тот, — садись. Ты голоден, устал, хочешь пить?

Он протянул к Михаилу Анатольевичу пустую ладонь, и тот уже почти без удивления увидел, как на ладони этой из ничего возникает фляга, обычная алюминиевая охотничья фляга в кожаной обмотке.

— Глотни-ка, — предложил человек без лица, и Михаил Анатольевич подчинился.

На вкус это был коньяк. Овечкин поперхнулся на первом же глотке, вернул флягу хозяину и, кашляя и вытирая рот рукою, опустился на землю

возле костра.

Голова у него кружилась. Страшный сон продолжался. Но Михаил Анатольевич уже понял, что никуда ему не деться из цепких лап сумасшествия, и измученный рассудок его окончательно отринул возможность найти происходящему хоть какое-то объяснение. Оставалось принимать все как есть. Как должное.

— Спасибо, — смиренно сказал Овечкин. — Мне уже лучше.

Охотник — или кто он там был — кивнул, закрутил крышку фляги, и та растаяла у него в руках.

Из костра на Михаила Анатольевича безмолвно взирала огненная ящерица, поднимаясь и опускаясь вместе с пламенем, словно качаясь на волнах. Овечкин робко улыбнулся ей, и рот ящерицы немедленно растянулся в подобии улыбки.

— Что за беда загнала тебя, человек, в самое сердце Муромских лесов в такое глухое время? — спросил охотник. Тихий голос его звучал участливо, но Михаил Анатольевич вздрогнул. Муромских лесов?

— Не знаю, — растерянно ответил он, моргая глазами. — Я не знаю, как я сюда попал. А вы... кто такие?

— Мы? — Охотник хмыкнул. — Мы —

Стража. Это Пэк, — он повел рукою в сторону костра, и ящерица комично поклонилась. — А меня зови просто Ловчим.

— Это саламандра? — с любопытством спросил Овечкин, глядя на Пэка.

— Разумеется. А я — призрак, если тебе интересно.

— А-а-а, — протянул Михаил Анатольевич с таким видом, словно уж теперь ему все стало ясно. — А я — Овечкин. Библиотекарь.

И засмеялся. Сначала тихо, а потом все громче и громче. Может, это подействовал коньяк, а может, просто начиналась истерика, но ему вдруг показалось ужасно смешным, что в самом сердце Муромских лесов сидят себе у костра саламандра, призрак и библиотекарь. Он смеялся и никак не мог остановиться. Недоумение, появившееся на лицах стражников, охранявших в этих дебрях неведомо что, лишь усугубило его неуместное веселье. Лес отвечал гулким эхом. Ловчий переглянулся с Пэком и вновь извлек из ниоткуда свою волшебную флягу.

— Спасибо, не нужно, — сквозь смех выговорил Михаил Анатольевич, кое-как успокаиваясь. И страх почему-то покинул его совершенно, осталась лишь легкая нервная дрожь где-то в глубине существа, как предчувствие и предостережение. — Вы позволите мне посидеть с вами до утра? А то, боюсь, в темноте мне не выйти

из этих ваших лесов.

Он подавил грозивший снова прорваться смех и с надеждой взглянул на Ловчего.

— Позволим, — вдруг подал голос Пэк, приближая к самой границе огня свое точеное личико с горящими глазами. — Хоть всю жизнь!

Голосок у него оказался тонкий, но вполне человеческий, как у ребенка.

— Если тебе не надоест, конечно, — добавил он и ухмыльнулся. — У нас тут бывает скучновато. Такие веселые путники, как ты, забредают редко. В основном, шарахаются от нас или начинают ныть о своих несчастьях, полагая разжалобить...

— Но, но, — предостерегающе сказал человек без лица. — Не распускай язык. Наш гость забрел сюда случайно. Не хочешь ли ты, Овечкин, перекусить, к примеру?

— Нет, — ответил Михаил Анатольевич и улыбнулся. Улыбка ему удивительно шла, придавая невыразительному лицу какое-то простодушное обаяние. Только Овечкин этого не знал. — Я бы, пожалуй, все-таки выпил еще глоточек.

Есть он и вправду не хотел, хотя нынче вечером усилиями домашнего яичница, поджаренная им себе на ужин, так и осталась нетронутой. Вот отдохнуть, поспать действительно не помешало бы... но ему вдруг стало жаль расставаться с *этим* сном. Он внимательно следил за тем, как на ладони

Ловчего опять возникает из ничего фляга, как движутся тонкие белые пальцы призрака, отвинчивая крышку... Жар от костра приятно согревал, и совсем не хотелось думать о том, что будет дальше. Так и сидел бы здесь, действительно, всю жизнь...

— А куда ты пойдешь утром? — спросил Пэк, раскачиваясь в огне.

— Не знаю, — неохотно ответил Овечкин, принимая у Ловчего флягу.

Второй глоток прошел значительно легче, согрел тело и душу, прояснил мысли. Спать расхотелось. Захотелось говорить.

— А можно спросить, что вы тут охраняете? — полюбопытствовал Михаил Анатольевич, оглядываясь на ели, окружавшие поляну со всех сторон.

— То, что тебе не нужно, — сурово ответил призрак. — Ты ведь пришел сюда случайно, как ты сказал? Тебя не прислала Лесная ведьма и не привел цвет папоротника. Случайно... хотя ты не выглядишь ни бродягой, ни миджнуром — обезумевшим от любви юношей из восточных сказаний. Кто же ты, Овечкин?

— Я не хочу говорить об этом, — нахмурился Михаил Анатольевич.

— Почему?

— Ну... потому что мне неприятно.

Ему и в самом деле не хотелось вспоминать о часах, проведенных на скамейке в Таврическом саду. И о бездарности собственной жизни... Но Ловчий явно остался неудовлетворен таким ответом, и Михаил Анатольевич искал и, к своему удивлению, нашел слова, объяснившие ему самому, что он чувствовал.

— Я не хочу возвращаться к прошлому, — сказал он. — Не хочу возвращаться к себе, каким я был.

И умолк, глядя в тень, скрывавшую лицо призрака. Ловчий помедлил и кивнул.

Какое-то время они молчали. В голове у Овечкина звенела пустота, и он бездумно глядел в костер, на завораживающе плавные движения огненного Пэка.

— А мне это непонятно, — сказал вдруг Пэк. — Послушай, смертный... до утра далеко! У тебя есть тайна, и я умираю от любопытства. У нас тоже есть тайна. Давай сыграем в кости?! Твоя тайна против нашей, идет?

Михаил Анатольевич только собрался отрицательно покачать головой, как оживился и Ловчий.

— Скоротаем время, — он потер руки. — Ставки велики, но тем интересней. Соглашайся, Овечкин! Кто будет метать — ты, Пэк, или я?

— Ты, — ответствовала саламандра и легким

изящным движением пятипалой ручки, так похожей на человеческую, выбросила из огня два пылавших, словно раскаленные угли, кубика. Ловчий подхватил их на лету. — А то наш гость, пожалуй, обожжется, принимая кости из моих рук!

— Итак, — объявил призрак, — если ты, Овечкин, проиграешь, ты расскажешь нам, почему так не любишь свое прошлое. А если проиграю я, ты узнаешь, что мы здесь охраняем.

Михаил Анатольевич еще колебался. Но глаза Пэка запылали азартом, а у Ловчего от предвкушения стали даже, кажется, прорисовываться какие-то черты лица... ему не захотелось огорчать их своим отказом.

— Ладно, — сказал он. — Только объясните мне, как это делается. Я никогда не играл в кости.

— Проще пареной репы, — весело отвечал Ловчий. — Гляди — встряхиваешь их вот так и бросаешь.

Он разжал руки. Огненные кубики покатались по земле, постепенно тускнея, и остановились у ног Овечкина.

— Тройка и четверка — итого семь, — сказал призрак. — У кого выпадет больше, тот и выиграл.

Он нагнулся и быстрым движением подобрал кости с земли.

— Станный ты человек, Овечкин. Как можно этого не знать? Ну, ладно, теперь играем...

На сей раз у Ловчего выпало одиннадцать очков. Пэк захихикал, и кости, еще теплые, шелковистые на ощупь, перешли в руки Овечкина, не понимавшего пока, что он может считать себя практически проигравшим. Однако он вдруг заволновался. Старательно проделал всю процедуру и...

— Две шестерки, — пораженно сказал Ловчий.

Пэк замер было, а потом порывисто высунулся из огня, дабы убедиться собственными глазами.

— Не может такого быть, — с негодованием сказал он. — Ты сжульничал, Овечкин!

— Я? — растерялся Михаил Анатольевич. — Как это... я никогда...

— Слышали уже!

Пэк подхватил кости с земли и скрылся в пламени.

— Не знаю как, но сжульничал, — сердито пробормотал он, придирчиво рассматривая кубики со всех сторон.

Овечкин в смятении посмотрел на Ловчего.

— Вы тоже так считаете? Вы же видели — я сделал все так, как вы показали!

— Может быть, — со странной интонацией в голосе протянул тот. — А может, и нет. Видишь ли, смертный... — он прервался, не договорив. —

Давай-ка сыграем еще раз!

— Как хотите...

Пэк, надувшись, отдал Ловчему кости, снова налившиеся огнем, и с подозрением вперился в Овечкина.

Бросили еще по разу. У призрака выпало десять очков, а у Михаила Анатольевича — опять двенадцать.

— Так, — в один голос сказали саламандра и призрак, и оба уставились на Овечкина весьма недобрыми взглядами.

Михаил Анатольевич вздрогнул. Предчувствие не обмануло — и *этот* сон тоже не желал оставаться безобидным и грозил неприятностями.

— И ты надеялся нас перехитрить? — грозно спросил Ловчий. — Что ты скрываешь? Уж, верно, ты колдун... я сразу подумал, что одежда у тебя странновата!

Михаил Анатольевич растерянно посмотрел на свои шлепанцы, к коим за время блужданий по дебрям пристал всевозможный лесной сор, и перевел непонимающий взгляд на Ловчего.

— Я — колдун?

— Кто же еще! Никто не смог бы, кроме самого Пэка, выбросить на его костях двенадцать! Да еще два раза подряд! Признайся, что ты...

Ловчий осекся и устремил взгляд куда-то

поверх плеча Овечкина. Михаил Анатольевич, пытавшийся собраться с мыслями для ответа на нелепое обвинение, этого не заметил. Зато увидел, как Пэк, возбужденно извивавшийся в огне, вдруг замер и исчез, словно растворившись.

Ничего не поняв, но тем не менее отчетливо ощутив спиной чье-то присутствие, Овечкин поспешно обернулся.

На краю поляны стоял человек. И человек этот с первого взгляда так не понравился Михаилу Анатольевичу, что он, позабыв обо всем, вскочил на ноги и попятился в сторону от костра, и пятился до тех пор, пока в спину ему не уперлись упругие колючие ветки елового молодняка.

У человека была длинная седая борода, ниспадавшая на грудь, и прямые белые волосы до плеч. Под косматыми бровями зловеще сверкали глаза. Одет он был в черную рясу до самых пят, подпоясанную грубой веревкой, и опирался на тяжелый резной посох. Волхв, да и только!

— Стража хренова, — произнес этот страшный человек глухим басом и замахнулся посохом. — Опять вы за свое?

Голос его, однако, прозвучал на удивление добродушно, и Овечкин растерянно заморгал.

— Привет, отшельник, — как ни в чем не бывало отозвался Ловчий. — Мы тебя разбудили?

— Разбудили... я же просил не вовлекать

посетителей в азартные игры! Ну все, еще раз поймаю — пожалуйста вашему начальству, ей-богу, пожалуйста! Надеюсь, ты ничего не успел проиграть, сын мой? — неожиданно обратился старик к Овечкину, и тот, окончательно опешивши, машинально покачал головой.

Ловчий снова подал голос:

— Он не посетитель. Это случайный путник...

— Случайный?

— ... и колдун! — решительно закончил призрак. — Он дважды выбросил двенадцать на костях Пэка!

— Ну и что? — сердито осведомился отшельник. — Скор ты на выводы, повелитель леса! Если б ты был моим учеником, я велел бы тебе просидеть три дня на воде и хлебе и поразмыслить, что есть случайность!

Он махнул на Ловчего рукой и снова обратился к Овечкину:

— Пойдем, сынок. Устал, небось?

Не дожидаясь ответа от онемевшего Михаила Анатольевича, старик повернулся лицом к лесу, поднял посох, и между деревьями вдруг открылась тропинка. Совсем недалеко в конце ее, затерянная во мраке чащи, стояла маленькая бревенчатая избушка, и мирным светом теплилось одинокое оконце.

Михаил Анатольевич в панике глянул на

Ловчего.

— Иди, иди, — неприветливо сказал тот. — Выиграл — так чего уж теперь!

Глава 4

И вновь, по совершенно непонятной причине, обуял Овечкина великий страх. Чуть дыша и не осмеливаясь даже смотреть отшельнику в спину, он побрел вслед за стариком по тропинке. Если бы мог, он развернулся бы и убежал. Но слово «выиграл», произнесенное Ловчим, неожиданно приоткрыло для Михаила Анатольевича некий потаенный смысл всего происходившего с ним сегодня. И остатками несчастного своего разума он понял — если куда и надо бежать, то, наоборот, к этому самому отшельнику.

Неведомая сила завела маленького библиотекаря в таинственное, пугающее, необыкновенное место, каких, быть может, почти уже и не осталось на земле, место откровения и силы. И пожалуй, даже не разум продиктовал ему это понимание, а древнее знание, живущее в душе каждого человека, проявляющееся только как прозрение или внезапное откровение.

И все-таки ему было страшно, очень страшно. С каждым шагом он отчего-то все отчетливей сознавал, что это — не сон, что все, случившееся с

ним сегодня, произошло на самом деле и что остается только одно — принять эти фантастические события, как единственную реальность, принять и самого себя — никчемного маленького человечка, и попытаться с этим как-то ужиться. А помочь ему мог только человек, который шел сейчас перед ним по лесной тропе, и необходимо было принять эту помощь и поверить отшельнику, если, конечно, он не хотел закончить свои дни в сумасшедшем доме.

На подгибающихся ногах поднялся Михаил Анатольевич на крыльцо, и отшельник, пропуская его в дверь перед собою, что-то одобрительно проворчал себе под нос. Войдя же, забился Овечкин в самый дальний угол, примостился на колченогой табуреточке за простым, гладко струганным столом и опустил очи долу, боясь того момента, когда придется посмотреть отшельнику в глаза. Он все-таки еще надеялся, что это сон.

Хозяин, однако, не торопил гостя. Он прибавил свету, подкрутив фитиль керосиновой лампы, принялся расхаживать по тесной горенке, собирая на стол какую-то снедь. И, невзирая на все свое смятение, Михаил Анатольевич, как человек воспитанный, не мог все же не поднять глаз и, увидев на столе кувшин с молоком, хлеб, мед и тяжелые глиняные кружки, не сделать попытки воспротестовать.

— Спасибо, — торопливо и неловко сказал он, — но вы, право же, напрасно беспокоитесь. Я ничего не хочу...

— А не хочешь, так и ладно, — покладисто отозвался старик. — Пускай стоит, авось, дождется своего часу.

Напоследок он выложил на стол деревянные ложки, простые, не покрытые ни росписью, ни лаком, и присел напротив Михаила Анатольевича на лежанку. Овечкин вновь поспешно отвел глаза.

— Не бойся меня, — добродушно сказал отшельник. — Я не причиню тебе вреда. Даже говорить ничего не стану, если ты не захочешь слушать. Ты и вправду не ведал, куда пришел?

Овечкин кивнул.

— Как же так вышло?

— Не знаю, — с тоской ответил Михаил Анатольевич. — Ничего не знаю. Они... Ловчий и Пэк обвинили меня в том, что я колдун, но я шел себе по Таврическому саду и совершенно не понимаю, как здесь очутился.

Хозяин молчал, и Овечкин робко поднял глаза.

Старик смотрел на него со спокойным любопытством, смягчавшим суровую аскетичность черт лица, и у Михаила Анатольевича немного отлегло от сердца.

— А вы настоящий отшельник? —

неожиданно для себя самого спросил он вдруг.

Старик усмехнулся.

— Да вроде как. Можешь называть меня отцом Григорием.

— А Пэк и Ловчий... они настоящие?

Отец Григорий поднял косматые брови.

— Еще бы! Я, кажется, вовремя появился, если ты не успел понять, до какой степени они настоящие. Ловчий — лесной дух, повелитель всех здешних дубрав, и когда-то люди почитали его за божество. Приносили ему жертвы и испрашивали милости для удачной охоты. Все в прошлом нынче... Трудновато после такого смириться с забвением, как ты считаешь? Он и не смирился... нехорошие шутки шутит порой, да только я ему не указчик. А Пэк — и вовсе из дальних краев, и понятие милосердия для него столь же чуждо, как для тебя — сама мысль о возможности жить в огне.

— Это вас они тут охраняют?

Отшельник снова вскинул брови.

— Странная мысль! Зачем меня охранять? Дорогу ко мне найти может лишь тот, чья нужда велика, да и обидеть меня не так-то просто. Нет... они охраняют вход в другой мир. Ты — человек образованный, слышал, должно быть, о параллельных мирах?

Михаил Анатольевич вытаращил глаза. Удивили его не столько параллельные миры —

после всего-то сегодняшнего! — сколько упоминание о них из уст такого архаичного существа, как лесной отшельник.

Отец Григорий слегка усмехнулся, словно прочитав его мысли.

— И что же это за мир? — робко спросил Овечкин.

— Прекрасный мир, населенный такими, как Пэк, и еще более удивительными созданиями, о которых у нас знают лишь по сказкам. Опасный мир... для того и Стража, чтобы никакой бедаолага вроде тебя не угодил туда ненароком. Но мы отвлеклись, сынок. Не хочешь ли ты вернуться к своим бедам и рассказать о том, что с тобой приключилось?

Михаил Анатольевич тяжело вздохнул. Воображение его силилось представить сказочный мир Пэка, и возвращаться к мыслям о своих злоключениях не хотелось ничуть.

— Что случилось со мной... но позвольте... если я вас правильно понял, Ловчий-то — существо из нашего мира? Значит, и у нас водятся такие...

Он уставился на отшельника во все глаза, пораженный этой мыслью.

— О чем это ты?

— О домовых, — выговорил наконец Овечкин страшное слово. — Они тоже существуют на самом деле?

— А как же! Существуют, только людям не показываются. Вернее, люди их больше не видят. Чтобы видеть, нужна вера. И отсутствие страха. В душах же нынешних уж и не знаю, чего больше — страха или безверия. А ты никак видел?

— Видел, — сказал Овечкин и содрогнулся. — Одного.

— Вот оно что! Чудно... неужели же это он тебя так расстроил?

— Нет... то есть да, конечно. Но дело совсем не в этом. Значит, вы в них верите?

Отшельник засмеялся.

— Трудновато было бы не верить, когда у меня тут свой живет вот уж лет четыреста!

Овечкин подпрыгнул и нервно заозирался по сторонам.

— Не бойся, не бойся, нету его сейчас. Мышковать ушел.

— *Куда* ушел?

— Успокойся. Никто тебя здесь не обидит. Расскажи лучше, что же тебя расстроило, если не домовой?

— Можно, я с ногами сяду? — вместо ответа спросил Овечкин, после отшельникова сообщения снова почувствовавший себя крайне неуютно.

— Садись, как хочешь, — старик с трудом сдержал смех, и Михаил Анатольевич, торопливо подобрав под себя ноги, неудобно скорчился на

табуретке.

— Он меня очень напугал, — виновато сказал он в свое оправдание. — Так напугал, что я убежал из дому и боюсь возвращаться. Только не смейтесь надо мною, пожалуйста. Если б вы знали, что он мне предложил... я... я и вовсе жалею, что родился на свет!

— Вот как!

— Да... и вас вот совсем не удивляет, что я перенесся сюда из Таврического сада, а я чувствую, что схожу с ума... и все это...

Овечкин запутался и умолк. Ну, не в силах он был откровенничать, ни одному живому существу на свете не мог он поведать о том, что пережил на скамейке в Таврическом саду! Как говорить о себе такое? Отец Григорий тем временем пристально смотрел на него, и он опять отвел глаза, чувствуя, как кружится голова и как невозможность происходящего снова туманит сознание.

— Ты сказал Ловчему там, у костра, что не хочешь возвращаться к себе, — заговорил вдруг отшельник, и Михаил Анатольевич вздрогнул. Откуда он знает? — Ты убежал из дому и убежал от самого себя — так ты надеешься. Но вот он ты передо мною, и душа твоя так же пуста, как и твой покинутый дом. От себя не убежишь, сынок, это давно известно. Когда-нибудь ты должен будешь вернуться в свой дом и наполнить его жизнью и

светом, изгнав пустоту и страх. Только так, и не иначе.

Захваченный врасплох очевидной осведомленностью отшельника обо всех его делах и мучительных переживаниях, Овечкин заерзал на табуретке.

— Я не могу...

— Но ты должен. Ты ведь понял, о чем я говорю?

— Да, но...

— Сейчас ты не в состоянии этого сделать, конечно. Твое бегство будет продолжаться до тех пор, пока не наполнится душа. Ты слишком долго пытался отгородиться от жизни, и потому теперь она обрушится на тебя всей своей полнотой и тяжестью. И тебе нелегко придется — не только с непривычки, но и потому, что на твою долю выпадет действительно слишком много. Может быть, ты и не выдержишь. Но тебе некуда деваться. Если выдержишь — станешь человеком. Не выдержишь — жизнь продолжится в другом месте, в другое время. Но этот урок ты усвоить должен, и ты усвоишь его, не в этой жизни, так в следующей.

Михаил Анатольевич больше уже ничему не удивлялся. Как ни странно, но он прекрасно понимал, о чем говорит отшельник. Как будто и сам уже знал все это, знал с той самой минуты, когда увидел серебряную луну в светлых небесах над

спящим садом, или, может быть... он забыл, в какой именно момент своих ночных походов ощутил вдруг близкую полноту жизни, пугающую и прекрасную, как гигантский морской вал, нависший над головой, сверкающий в солнечных лучах и готовый обрушиться и погрести его под собою. И сейчас, когда он услышал слова отшельника, воскресившие в памяти это мгновение, волосы шевельнулись у него на затылке от восторга... и страха.

Ибо сразу же вслед за тем он явственно осознал, что быть ему погребенным под всей этой красотой безвозвратно. Куда уж маленькому слабому человечку, трусливому и беспомощному...

— Я точно не выживу, — с горечью сказал он.

Отец Григорий задумчиво покачал головой.

— Как знать! Ты многого не ведаешь о себе, как и всякий другой человек. Знаешь ли ты, например, что заставило тебя прятаться от жизни целых тридцать пять лет?

Михаил Анатольевич непонимающе посмотрел на него.

— Если я был таким от рождения, откуда же я могу это знать?

— А что было *до* твоего рождения?

Овечкин растерялся окончательно.

— То есть? А, вы, должно быть, говорите о внутриутробном развитии... помнится, я что-то

читал об этом....

Отшельник, откинув голову, от души расхохотался.

— Читать-то ты читал, не сомневаюсь. И еще не сомневаюсь, что, не проследи я за тобой, ты выйдешь из моего дома и напрямиком отправишься к Ловчему с Пэком — просить, чтобы тебя пропустили в мир, о котором я тебе рассказал. К саламандрам и феям.

Михаил Анатольевич открыл было рот и тут же закрыл его снова. Он вроде бы совсем еще не думал, что будет делать, когда уйдет отсюда, но, услышав слова отшельника, понял, что именно так и собирался поступить...

— В сказку захотелось, — посмеиваясь, продолжал старик, и Овечкин густо покраснел. — Ну-ну. А говоришь, слабый и трусливый. Я ведь сказал тебе, среди всего прочего, что это опасный мир. Однако ты предпочел этого не услышать.

— Вы меня совсем запутали, отец Григорий, — пролепетал Овечкин, опуская голову.

— Отнюдь! — весело сказал отшельник. — Только ничего не выйдет, сынок. Во-первых, Ловчий с Пэком сейчас злы на тебя и ни за что и никуда не пропустят. А во-вторых, я за тобой прослежу, уж не сомневайся. Вернешься ты отсюда прямехонько в Таврический сад. И дам я тебе адресок одного выученика моего, Аркаши

Каверинцева. Скажешь, что ты от меня, и он приютит тебя на первое время. А там видно будет. Пока что ложись, отдохни. До утра всего ничего осталось.

Он легко поднялся с лежанки и взял со стола керосиновую лампу.

— Пойдем, на сеновале тебя устрою.

— Погодите, — сказал обескураженный таким прозаическим окончанием разговора Михаил Анатольевич, с трудом опуская на пол отсиженные ноги. — А что же было до моего рождения?

Отшельник остановился на пороге и бросил на него насмешливый взгляд.

— Много будешь знать, скоро состаришься. Ни к чему тебе пока что это знание. Да ты мне и не поверишь, чего доброго...

— Но вы же знаете, — упрямо сказал Овечкин, уверенный, что так оно и есть. — Кто вы, отец Григорий?

Забыв о мурашках, бегающих по ногам, он, затаив дыхание, всматривался в лицо старика. В неярком свете старинного светильника тот еще более походил на волхва со своими белыми волосами, рассыпавшимися по плечам, орлиным носом и зоркими, пронзительными глазами, в которых Михаил Анатольевич, перестав бояться, отчетливо различал сейчас почти нечеловеческую остроту ума и понимания. Старик казался

вышедшим из глубины веков, древним, как сам мир, сновиденным образом, и в то же время был совершенно живым, реальным и близким, пугал и притягивал. И Овечкин, словно под властью чар, не мог отвести от него взгляда.

Прямая линия рта под густыми белыми усами дрогнула и изогнулась в едва заметной улыбке.

— Отшельник я, — сказал отец Григорий, и голос его, доселе тихий и мягкий, обрел звучность и силу. — Монах, ведун. Что ты еще хочешь знать обо мне? Может статься, однажды ты снова найдешь ко мне дорогу. Тогда и поговорим. А нынче — не время. Судьба твоя ищет тебя, и завтра ты отправишься к ней навстречу, ибо медлить нельзя.

Он вдруг засмеялся.

— Не хотел бы я, чтобы все, с кем должна свести тебя судьба, явились сюда за тобою и нарушили мое уединение. Пойдем же! Ночь кончается.

Старик поднял лампу повыше и повернулся к двери. И Михаил Анатольевич, очарованный и какой-то отупевший одновременно, лишь тяжело вздохнул и покорно двинулся за ним следом.

Глава 5

Аркадий Степанович Каверинцев, известный в